

Между WADA и раем

колесо обозрения

— Аккуратно надо с такими плакатами, — поделился со мной один тренер во дворике, который сказал, что не пойдет на открытие, потому что у его спортсменов завтра старт. — Как бы не переждать. Все говорим спортсменам о том, что они все преодолеют: и то, как с нами поступает МОК, и WADA, и что холодильники спортсменам в номера не завезли, а холодильники на самом деле на первом этаже все стоят, просто их никто не заносит в комнаты, и что специально грузчиков России не выделяют, чтобы мы помучились... И что автомат с Coca-Cola у поляков стоит, и даже два, а у нас ни одного, и что это тоже разумеется случайно? Дождется, что спортсмены в конце концов махнут рукой на все, а главное на себя, и скажут, что им ничего не надо, потому что и так все против них... По-человечески понятный эффект...

Впрочем, спортсмены, постепенно все же собиравшиеся у входа, не производили впечатления людей, которые намерены были махнуть на себя рукой. Было что-то даже слишком много веселых лиц, и веселье это (все тут со смехом фотографировались) ни за что нельзя было бы назвать, например, истерическим. Во всем этом было просто очень много настоящего человеческого здоровья (действительно, ведь настоящего тут, по всем признакам, все-таки уже давно не должно было быть).

— Ну что, самцы выходят на охоту? — спросил главный тренер сборной России по боксу Александр Лебяк, выходя из лифта.

С ним стоило согласиться. Впрочем, некоторые не передевались в парадную олимпийскую форму.

— У нас соревнования завтра, — сказала одна российская фехтовальщица. — И пловчихи не идут...

И правильно, может быть, делали, если хотели выступить достойно: то, что предстояло пережить нам, им переживать не стоило.

Колонна российских спортсменов быстро выдвинулась по направлению к автобусам, которые должны были отвезти нас в Олимпийскую деревню. Я не в первый раз принимал участие в таком мероприятии, и следовало констатировать, что в этот раз на церемонию решили пойти гораздо больше спортсменов, чем раньше. До сих пор тылы приходилось прикрывать многочисленными спортивными функционерами, но теперь это был не тот случай: остро не хватало, например, «откретительных талонов», по которым спортсменов сажают в автобусы и везут на стадион Магасапа. Из-за этого некоторые, например, боксеры не пошли на церемонию — а хотелось бы, конечно, их там увидеть на всякий случай.

У меня тоже не было такого талона, но я был из тех, кто рискнул пройти без него: нас таких было человек десять, отчаянных людей (или лучше так — азартных парней). И когда на следующий день на стрельбище я услышал слова жизнерадостного владельца швейцарской оружейной компании Mogni Франческо Репиха насчет того, что «здесь у бразильцев можно все», я, конечно, уже давно был безоговорочно согласен с ним. Бразильцы, которые должны были тщательно контролировать все входы и выходы из автобусов, по-моему, были просто по-человечески благодарны мне за то, что я не стал обременять их рассеянным вниманием какими-то вздорными талончиками.

И вообще, я чувствовал, причем уже не первый день, что мы тут являемся некоторой обузой для огромного количества бразильских волонтеров. Мы, конечно, сильно мешаем им, это видно. Они все время большими группами, в которых сразу чувствуется критическая масса взрывного человеческого вещества, носятся по спортивным объектам по своим делам, они без конца толкают болельщиков и спортсменов или просто сметаю их со своего пути, потому что им все время что-то очень нужно, и все время нужно очень срочно. Часто они вообще не реагируют на твои вопросы, в том числе потому, что многие из них не говорят по-английски и больше того, по-моему, презирают этот язык. Но зато и к жизни они относятся гораздо легче, чем любые другие волонтеры. Если их не расстраивать своим вниманием, то будешь чувствовать себя среди них спокойно и уверенно.

Так почему же в этот раз в российской делегации было все-таки так

В российской делегации на церемонии открытия lady были first
ФОТО ДМИТРИЯ КОРОТАЕВА

много спортсменов? По-моему, они расценивали уже все без исключения происходящее тут как вызов, причем личный. Не зря же появились тот плакат, в конце концов...

Мы шли колонной по Олимпийской деревне, да нет, мы уже полчасика кружили по ней, и навстречу нам шли другие колонны спортсменов, и я понимал, что уже встречал их несколько минут назад. Так, Александр Лебяк пришел, по-моему, по крайней мере дважды обниматься с тренерами из команды Молдавии и громко кричать им: «Молдова, привет!» Мы, в общем, кружили и кружили по Олимпийской деревне, и я в какой-то момент перестал задавать бессмысленным вопросом «зачем это?» (а все вокруг продолжали задавать его) и начал думать о действительно важном: почему же тут, в Рио, вода из-под крана закрываемы-мы?.. но закрыть-то все-таки, наверное, при желании могли...

В конце концов мы вырвали все-таки к освещенному пространству, и оказался стадион Магасапа и примыкающий к нему тренировочный стадион, на котором нам предстояло провести часа полтора в ожидании, пока нашу делегацию вызовут для торжественного выхода на Магасапа.

Все здесь соответствовало олимпийским стандартам: и этот тренировочный (я очень быстро услышал от наших спортсменов «концентрационный») стадион, и сухой паек, который должен был скрасить ожидание. Все оказались голодными и набросились на сухой паек. Его содержимое оказалось между тем обескураживающим: паек состоял преимущественно из хлеба, про который сначала подумали, что это, конечно, сэндвич (потому что в таких пайках всегда есть сэндвич), но ветчина и сыр что-то никак не раскусылись, и надо было пройти зубами сырую булку до конца, чтобы понять, что это просто хлеб, такой же сухой, как весь паек.

Кроме горбушки хлеба в сухпае была крупная упаковка попкорна, и надо было видеть, как быстро и бесчужденно его перемалывала сборная США по баскетболу, где все были великие. Но неужели никто так и не поел перед выходом из дома?

Еще была крохотная шоколадка и печенье. Впрочем, открыть упаковки не представлялось возможным, потому что они были надежно перекручены серым непрозрачным скотчем — как я понял, для того, чтобы нельзя было прочитать названия фирм-изготовителей, которые не входили в число топ-спонсоров, а продукцию свою рекламировать таким образом были намерены.

И все-таки под нервы, на которых тут все-таки были почти все, пайки уходили десятками и сотнями. — О, тут жарчку дают! — слышал я родную речь и понимал: это на территории стадиона вступает сборная Киргизии.

— Зачем ты так говоришь? — слышал я и дальше.

Я спросил ее, правда ли, что говорят, будто для лошадей в Рио создали гораздо более человеческие условия, чем для спортсменов, и она горячо согласилась со мной:

— О да! Непонятно, чего в этом возгласе было больше: расстройств по поводу себя или благодарности за то, как отнеслись к лошади.

Между прочим мы ехали уже больше получаса, вокруг становилось все темнее и темнее, и кто-то в автобусе уже нервно спрашивал:

— Мы что, в Сан-Паулу едем?

Потом один стрелок с заднего сиденья негромко и метко спросил меня:

— Нас точно на открытие, а не на закрытие везут?

Шутка, если успеть вдуматься, была неплохой, если не считать того, что мы ехали сейчас мимо тюрьмы, хоть, похоже, и брошенной (но так ведь еще хуже: хотели бы вы проехать ночью мимо брошенной тюрьмы?..), но закрыть-то все-таки, наверное, при желании могли...

В конце концов мы вырвали все-таки к освещенному пространству, и оказался стадион Магасапа и примыкающий к нему тренировочный стадион, на котором нам предстояло провести часа полтора в ожидании, пока нашу делегацию вызовут для торжественного выхода на Магасапа.

Все здесь соответствовало олимпийским стандартам: и этот тренировочный (я очень быстро услышал от наших спортсменов «концентрационный») стадион, и сухой паек, который должен был скрасить ожидание.

Все оказались голодными и набросились на сухой паек. Его содержимое оказалось между тем обескураживающим: паек состоял преимущественно из хлеба, про который сначала подумали, что это, конечно, сэндвич (потому что в таких пайках всегда есть сэндвич), но ветчина и сыр что-то никак не раскусылись, и надо было пройти зубами сырую булку до конца, чтобы понять, что это просто хлеб, такой же сухой, как весь паек.

Кроме горбушки хлеба в сухпае была крупная упаковка попкорна, и надо было видеть, как быстро и бесчужденно его перемалывала сборная США по баскетболу, где все были великие. Но неужели никто так и не поел перед выходом из дома?

Еще была крохотная шоколадка и печенье. Впрочем, открыть упаковки не представлялось возможным, потому что они были надежно перекручены серым непрозрачным скотчем — как я понял, для того, чтобы нельзя было прочитать названия фирм-изготовителей, которые не входили в число топ-спонсоров, а продукцию свою рекламировать таким образом были намерены.

И все-таки под нервы, на которых тут все-таки были почти все, пайки уходили десятками и сотнями. — О, тут жарчку дают! — слышал я родную речь и понимал: это на территории стадиона вступает сборная Киргизии.

— Зачем ты так говоришь? — слышал я и дальше.

— А как надо?..
— Тут кушать дадут!..
— Спасибо...

Так добро на стадионе побеждало зло.

Я увидел, как наш волейболист фотографируется с уже всем канонам легендарным баскетболистом Кевином Дюрантом (а вот Кевин Дюрант с ним — по-моему, нет), и увидел врача нашей сборной, который глядел с сожалением то ли на волейболиста, то ли на Кевина Дюранта.

Врач этот был похож скорее на борца, о чем я ему тут же и сказал.

— Все мы на этой Олимпиаде борцы, — вздохнул он.

— А вы не фотографируетесь? — спросил я его тогда.

— Я — нет, — объяснил он. — По принципиальным соображениям.

Только если он сам ко мне подойдет.

А вот этого наш врач мог не опасаться.

На главном стадионе уже началась церемония, забежали какие-то люди с лазерными указками (успели ли закрыть небо?), а наше ожидание тут только начиналось. Попкорн был уже весь съеден, с Дюрантом сфотографировались уже все кому не лень (кроме, конечно, врача сборной), и он уже даже ушел на церемонию в составе своей делегации, которую вызвали довольно быстро, потому что сборные шли по португальскому алфавиту, где сборная США называется Estados Unidos, то есть выходит на букву E почти в самом начале.

Мимо меня прошел спортсмен из сборной Самоа, а вернее сказать прошлепал — ведь он был в шлепанцах. И было понятно, почему для него шлепанцы — парадная форма. Ведь в обычной жизни они там ходят босиком...

Бразильцы на основном стадионе крутились как белки в огромном колесе, я пытался засмотреться, но у меня не получалось: церемония выходила, как меня и предупреждал один человек, сходявший на генеральную репетицию, скучноватой.

Веселей было даже в нашем зале. Покинувшие нас американцы запомнились огромных размеров, почти в натуральную величину, фирменной лошадей Ральфа Лорена на нагрудном кармане (МОК, если наберется храбрости, еще обратит

на это внимание). Ральф Лорен уже много лет шьет американской сборной форму на Олимпиадах и, кажется, перестал утруждать себя идеями. Так, нынешняя их форма в точности копирует пекинскую, если не считать блузонов и правда цветов российского триколора. Это становилось совсем уже очевидным и даже каким-то непримечательным (как, в сущности, любое объяснение в любви, тем более чужой стране), когда спортсмены и спортсменки стягивали с себя удрушающие в этой атмосфере пижамки.

Многие пришли в джинсах, многие — в рубашках, некоторые — и вообще без них. В общем, я оглядывался и понимал, что безукоризненной и цельной тут выглядит только форма сборной России, хотя, справедливости ради, с белыми кантиками на стадион вышли в конце концов и сборная Сальвадора, и Южная Корея.

На поле большого стадиона показались между тем бразильская певичка в длинном платье, и ей бешено зааплодировал не только большой стадион, и наш, малый, в том числе неожиданно дружно и с подъемом — и вся наша делегация. Я расстроился оттого, что, похоже, я тут один ее не знал, и стал аккуратно спрашивать, кто такая — и надо же, выяснилось, что вообще никто не знает ни имени ее, ни фамилии.

Интересно, что последними, через 50 минут после начала церемонии на большом стадионе, когда все остальные уже маялись на нем, сюда привели делегацию сборной Бразилии. То есть о них заботились. Они, конечно, должны были выйти последними, но ведь не настолько же.

Но все-таки, я видел, и наше время подступает. И уже встал со своего места Сергей Тетюхин, и попытался застегнуть на шею бабочку, и да, не сразу у него это получилось, но ведь получилось же в конце концов.

И через несколько минут он уже шел в ту же нашей колонны с державной табличкой RUS 159, и я подошел к нему, и спросил, намерен ли он обменять эту табличку на флаг.

— Надеюсь! — пожал он плечами. Я спросил, провели с ним какой-нибудь инструктаж организаторы или нет:

— В конце концов, надо же понимать, как держать флаг, чтоб, например, не дай бог не выронить...

— Нет, ничего не сказали, — безо всякой озабоченности в голосе ответил он. — Так пройду, по наитию.

— Переживаете?

— Сейчас вроде нет... — прислушавшись к себе, ответил он через некоторое время. — С утра переживал. А сейчас — нет!

Я хотел было спросить его насчет послезавтрашней игры с Кубой, а он хотел было, видимо, ответить, но тут к нему подбежал все тот же российский организатор всех будущих, очевидно, наших побед и скорбно крикнул:

— Иде тебя носит?! Вперед, скорей! И девушек, девушек вперед!.. И в колонну по шестеро!..

Что-то, а строить эти люди умели.

Мы встали прямо за Руандой. Надо сказать, окружающие относились к нам очень хорошо. Бразильцы, организовавшие коридор, без конца скандировали «Рус-си-я!», а юркий атлет из сборной Соломоновых Островов все время подбегал к нашим задним рядам с криком «Тенкью, Путин!» и «Давай-давай!» — и сразу отбегал, словно опасаясь несправедливого возмездия.

Но подгонять нас было бессмысленно: вся эта гигантская колонна ползла к Магасапа со скоростью отдыхающей черепахи. Церемония продолжалась уже 2 часа 15 минут, и половину этого времени уже стел проход по стадиону делегаций.

А мы вошли на стадион еще минут через 40, обессиленные, с надеждой на лучшую жизнь. И она началась. На стадионе, казалось, был праздник. Все тут сверкало и искрилось. Спортсмены, большинство из которых первый раз принимало участие в таком мероприятии, были, по-моему, ошеломлены происходящим. Были бы сняты километры фотопленки, если бы это была фотопленка.

Фотографировались все тут друг с другом как умишленные. И пока под яростный рев торсиды не прошла сборная Бразилии, а это еще минут двадцать, нечего было и думать о том, что открытие Олимпиады может завершиться уж вот-вот.

Впрочем, здесь, на стадионе, в окружении 80 тыс. неравнодушных людей, было хорошо и просторно. Никто нигде уже не спешил: все пришли, куда хотели. Да, устали уж очень, но почти у всех в руках были национальные флаги, которые на моих глазах многие, особенно почему-то арабы (хотя что значит «почему-то?»), стали использовать как подстилки. Это было совсем нехорошо. Ни одному нашему спортсмену это все-таки, надеюсь, даже в голову не пришло (или, к примеру, американцу).

Да, было все именно так.

Мы выслушали все протокольные приветствия, услышали, как поклонники бывшего президента Бразилии Дилмы Руссефф овсвистали и о. президента Бразилии, несколько не смутившегося этим и даже как будто подбадривающего торсиду: «Давай-давай!»

Я все ждал, когда появится какой-нибудь трогательный мальчик в белом или какая-нибудь девочка в белом и выпустит в небо флажок. Появилась девочка и выпустила воздушного змея.

Зажгли огонь Олимпиады. Я оглянулся вокруг. Спортсмены стояли с горящими глазами (ну и что, что это в основном были отблеск пламени олимпийского огня). Они не зря пришли сюда, хоть и вымотались, как на нескольких тренировках сразу. Но при чем тут это, в конце концов. Ведь такая тренировка стоила и многих выступлений сразу, разве нет.

И теперь мне оставалось найти только одно. Теперь я искал глазами держащих за руки и целующихся спортсмена и спортсменку. Таких, которые, кроме друг друга, не замечают на этом стадионе никого. Таких, которые познакомились то ли три часа назад в Олимпийской деревне, то ли в автобусе по пути на стадион, то ли прямо тут, на стадионе. Они и сами должны были не помнить этого, потому что жили сейчас не просто настоящим, а каждой его секундой, каждым мгновением его. Они, в общем, обязательно должны были быть здесь. Я же видел их на каждой Олимпиаде, и сколько их было только у меня, шесть или семь?..

И как вы думаете, нашел? Андрей Колесников, Рио-де-Жанейро

